

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-158-161
УДК 32.019.51(045)

Дидактическая составляющая PR-сопровождения денежной реформы 1961 года в СССР

А.А. Трошин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается дидактическая составляющая пропагандистской кампании, сопровождавшей денежную реформу 1961 г. в СССР. В качестве основного коммуникационного канала в этой кампании выступала кино- и книжная продукция, ориентированная на детскую аудиторию, использование которой предполагалось в учебном процессе. Сложная структура и стратегический характер PR-кампании был вызван тем, что одновременно с деноминацией денег в СССР происходила перестройка экономики и социокультурных отношений. Возникла система, основанная на усиливающейся эксплуатации ресурсов и деиндустриализации. Позже схожий тип экономики современные исследователи Люк Болтански и Арно Эскер обозначат как «экономика обогащения».

Ключевые слова: история СССР; денежная реформа 1961 года; функции денег; критика товара; Люк Болтански; Арно Эскер

Для цитирования: Трошин А.А. Дидактическая составляющая PR-сопровождения денежной реформы 1961 года в СССР. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(4):158-161. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-158-161

ORIGINAL PAPER

The Didactic Component of the PR-support of the 1961 Monetary Reform in the USSR

A.A. Troshin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5041-0671>

ABSTRACT

The article examines the didactic component of the propaganda campaign that accompanied the 1961 monetary reform in the USSR. In this campaign, the main communication channel was film and book products aimed at a children's audience, the use of which was supposed to be in the educational process. The complex structure and strategic nature of the PR campaign were caused by the fact that simultaneously with the denomination of money in the USSR, there was a restructuring of the economy and socio-cultural relations. A system based on increased resource exploitation and de-industrialization emerged. Later, modern researchers Luc Boltanski and Arno Esker will designate a similar type of economy as "the economy of enrichment".

Keywords: history of the USSR; monetary reform of 1961; functions of money; criticism of the product; Luc Boltanski; Arno Esker

For citation: Troshin A.A. The didactic component of the PR-support of the 1961 monetary reform in the USSR. *Gumanitarnye Nauki. Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):158-161. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-4-158-161

Переведенное с французского и выпущенное в серии «Новое экономическое мышление» исследование, посвященное определению экономики обогащения, Л. Болтански и А. Эскер начинают со следующего утверждения: «социальные акторы <...> постоянно погружены в мир товара, от которого зависит <...> опыт того, что они понимают под реальностью» [1]. Определенным образом понимаемое обогащение, по мнению представленных авторов, характеризует преобразование мировой экономики с последней четверти XX в. по настоящее время. Это преобразование, связанное с деиндустриализацией и усиливающейся эксплуатацией ресурсов, основано не на производстве новых вещей, а на извлечении прибыли из торговли вещами «для богатых». И если рассуждения об усиливающейся эксплуатации ресурсов публике давно знакомы в разных вариациях, то представление Л. Болтански и А. Эскер о том, как товар в современных условиях сохраняет способность быть структурированным целым и определять социальную реальность, является, безусловно, новаторским.

Что же позволяет нам перенести этот подход в изучении валоризации на советскую реальность чуть более раннего, чем последняя четверть XX в., времени — на социальный эксперимент, который Ф. Спаффорд то ли всерьез, то ли в шутку называет «хрущевским изобилием» [2]? В попытке создания мирового универсального стиля советскому опыту следует отдать приоритет перед западным феноменом масс-культуры. Хотя аналогия — не есть доказательство, но можно напомнить, что термин «сексуальная революция» был введен В. Райхом в 1920-е гг. на отечественном материале и лишь спустя четыре десятилетия нашлось, к чему его «приклеить» на Западе. В вопросах преобразования экономики в нечто, основанное на совмещении ресурсной эксплуатации и деиндустриализации, СССР тоже имеет первенство: конец 1950-х гг. в советской реальности — против конца 1970-х гг. на «Западе».

В этой статье я предлагаю рассмотреть один частный аспект того, как в 1960-е гг. была организована погруженность советских «социальных акторов» в мир денег как в мир товара, определяющего то, что граждане понимали под реальностью. Замечу прежде, что «вещный» характер денег для России почти традиционен. Вот фрагмент из предисловия П.Б. Струве к переводу работы М. Шиппеля «Денежное обращение и его общественное значение» 1897 г.: «С тех пор, как на нашем общественно-экономическом горизонте появилась “денежная реформа”,

у нас много говорят и печатают о деньгах, о золоте и серебре. <...> Деньги — эта всем столь известная “вещь” — оказались обладающими какими-то мистическими свойствами, познание и понимание которых совершенно не по плечу обыкновенному смертному. А, между тем, надо же как-нибудь разобраться в этой мистике, которая <...> очень чувствительно дает знать о себе людям» [3].

В советской реальности 1960-х гг. деньги и их субституты вроде облигаций государственного займа — это самодостаточная «вещь», а не абстрактный эквивалент неким возможностям. Деньги в связи с возрастающим товарным дефицитом становились все менее пригодны для выполнения своих прямых функций. Чего, собственно, и добивалась в своем PR-прикрытии реформа 1961 г.¹ — изменить социальную роль денег и тем самым замаскировать инфляцию. После реформы в СССР начинается подлинный расцвет социокультурных технологий, в которых состоящий из весьма ограниченного (в сравнении с Западом) количества «вещей, находящихся в обращении, товар обретает свое единство в операции, посредством которой этим вещам всякий раз, когда они переходят из рук в руки, выпадает цена» [1]. Здесь в одном ряду стоят и публично поощряемые государством практики коллекционирования (расцвет филателии, филуменистики, фалеристики, филокартии, букинистики и пр.; выпуск сувениров), и покровительствуемые им тайно практики дефицита как организационного инструмента в диапазоне от вещевой лотереи до фарцовки. И о каком-либо мистическом свойстве денег здесь говорить не приходится, так как в дополнение к экономическим ролям деньгам предписывались множественные публичные роли: быть путеводителями в историю, овеществлением невозможных в реальности географических путешествий, проводником в мир искусства, игрушкой, развивающей фантазию и открывающей тем самым пути в будущее (см. повесть Е. Коковина), воплощенным пропагандистом и агитатором. Собственно, сходить в магазин, а тем более копить деньги — дело уже десятое и необязательное (особенно копить).

Если в первые две трети 1950-х гг. система товара в СССР выстраивалась вокруг понятия «качество», и дальше шли градации сортности (как продолжалось на Западе до середины 1970-х гг.), то в 1960-е гг. исходной точкой стали вещи для совет-

¹ Она прямо противостоит конфискационной реформе 1947 г., бывшей частью индустриализационного проекта; тогда как девальвация рубля в 1961 г. была частью политики деиндустриализации.

ских «богатых» — демонстрация достатка: от мелочи типа книг, выполняющих в секретерах и стенках декоративную функцию, выставлявшегося там же нефункционального хрусталя, до более весомых признаков растущего благосостояния, не покупаемых, а «доставаемых» и именно «переходящих из рук в руки», как Л. Болтански описывает современную экономику обогащения.

Что же было средствами обучения, приведшими к ситуации, в которой деньги как вещи стали обращаться в советских общественных коммуникациях в измененном качестве?

Поскольку из-за убыточности чеканки металлических денег мелких номиналов в 1961 г. решили оставить в ходу монеты достоинством 1, 2 и 3 копейки, то неудивительно, что «главной метафорической монетой хрущевской реформы следует считать копейку» [4]. Она на время была предложена «общественному сознанию» основной денежной единицей, вытеснив с этой позиции рубль, став первичной по отношению к нему: «копейка рубль бережет». В развернутом виде, например, на плакате художника Ф. Ф. Нелюбина этот лозунг звучал так: «Социализм — это учет! В том навык наш природный: и рубль копейка бережет, — Народная — народный!».

В главе «Деньги и коммунистическое завтра» (написана в соавторстве с В. А. Березиной) своей монографии «Повседневность эпохи космоса и кукурузы» Н. Б. Лебина в качестве самого яркого примера этой метафоричности приводит мультфильм «Дорогая копейка» (1961 г., сценарист Е. Д. Агранович, режиссер И. С. Аксенчук), приписывая ему предполагавшуюся ведущую PR-роль отчасти по аналогии с неожиданным успехом пропагандистского шедевра — мультфильма 1957 г. «Чудесница» (сценарий Л. В. Позднеева, режиссер А. В. Иванов), новаторски продвигавшего в массы «царицу полей — кукурузу» как спасительницу разваленного колхозами сельского хозяйства.

Позволю себе с уважаемыми авторами не согласиться: в 1960-х гг. кино имело ограниченную аудиторию — поскольку телевизионная только формировалась, а кинопрокат для агиток был лучшим коммуникационным пространством. И, да, — «Дорогая копейка» до уровня «Чудесницы» в художественном отношении не дотягивала.

Основным носителем денежно-социальной дидактики были книги и, соответственно, школа, понуждавшая эти книги читать. Причем базовый нарратив, используемый в том числе в сценарии мультфильма, был также заимствован из художественной литературы: образцом для него была

прекрасно известная русскому читателю сказка Г.-Х. Андерсена «Серебряная монетка» (1861 г.). Ну а самой развернутой вариацией на андерсоновский сюжет стала повесть Е. Коковина «Динь-Даг», выпущенная в 1962 г. и неоднократно переиздававшаяся. Правда, для соответствия идее «серебряной» монетки (что важно для сюжета), номинал героя увеличили до 15 копеек: «Прочтите сами эту умную сказку, и вы услышите в ней не только звон монеты — «динь-даг», — но и много полезных вещей о жизни на нашей земле и на далеком чужом берегу», — писал в предисловии к одному из таких переизданий Л. Кассиль [5]. Панорама социальной жизни в СССР в повести показывает ожидаемую многофункциональность денег — герой успеет побывать и игрушкой, и гадательным талисманом. Но собственно деньгами он быть как бы... стесняется.

Деньги как собственно деньги в литературе, выполняющей дидактические функции, присутствуют в основном в связи с зарплатой, как эквивалент труда. Но стараются исчезнуть из поля читательского зрения как можно быстрее. Вот как это выглядит в книге В. Р. Марамзина «Тут мы работаем» (на момент написания автор — начальник отдела научно-технической информации на ленинградском заводе «Светлана»):

«Дважды в месяц дают на заводе зарплату.

• Сегодня работать хорошо — за денюжки, — смеются рабочие.

• Сегодня вообще день хороший: пятница, да еще с деньгами, — говорит мне Тоня, направляясь в этот день на завод.

<...> С полочки Тоня покупает билеты в театр. Покупает журналы: «Юность» и «Моды». Тоня прочтет эти журналы и увидит, как надо жить и во что одеваться при этом.

После работы Тоню встречают за проходной кондукторы автобусов и трамваев. Они уже знают, что сегодня полочка, и несут к заводу проездные билеты на месяц. <...> Тоня берет себе карточку. Потому что сегодня зарплата, день особый» [6].

Зато в других своих ипостасях деньги из рук никуда не торопятся, особенно в главной дидактической роли, для которой существует особое пространство бытования монет — нумизматика. При этом забавно, что банкноты и изучающая их бонистика — редкий и вторичный гость в дидактической литературе 1960-х гг., слишком уж связаны купюры с экономикой и политикой. Если место им и отводится, то упоминанием после: а вот еще есть «коллеги нумизматов — бонисты» [7].

Вершина карьеры монетки как метафорической фигуры нового экономического дискурса — опыт введения преподавания нумизматики в школе в качестве вспомогательной исторической дисциплины. Самая значительная работа принадлежит казанскому педагогу Э.И. Кучеренко, и первоначально она вышла в Казани в 1961 г. На общесоюзном уровне она появилась в 1968 г.; издание было снабжено многочисленными таблицами, подготовленными известным коллекционером Д.И. Мошнягиным [8].

Но значительного продолжения история эта не имела. В 1970-е гг. тема нумизматики криминализировалась. Если в повести Е.С. Коковина преступники

грабят западного нумизмата, что позволяет Динь-Дагу сбежать из коллекции и вернуться в СССР, то в новое десятилетие одно из самых громких ограблений нумизмата — ограбление того же Д.И. Мошнягина. Им же интересуется КГБ — стало известно, что у него в коллекции были пробные монеты, например ½ копейки для той же реформы 1961 г.

Роль метафоры, без особого успеха, у копейки отобрал «трудовой рубль». А процессы деиндустриализации тем временем продолжались и ширились, и не только в СССР, что позже натолкнуло Л. Болтански и А. Эскера на переосмысление понятия «обогащение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болтански Л., Эскер, А. Обогащение. Критика товара. Пер. с фр. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ; 2021. 600 с.
2. Спаффорд Ф. Страна Изобилия. Пер. с англ. М.: Астрель: CORPUS; 2012. 512 с.
3. Шиппель М. Денежное обращение и его общественное значение / Макс Шиппель. Пер. с нем. СПб.: издание редакции журнала «Образование»; 1897. 102 с.
4. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; 2021. 560 с.
5. Коковин Е. Динь-Даг. Две повести и рассказы. Л.: Детская литература; 1977. 176 с.
6. Марамзин В.Р. Тут мы работаем. Л.: Детская литература; 1966. 176 с.
7. Тужилин Н. Мир вокруг тебя. Симферополь: Крым; 1966. 360 с.
8. Кучеренко Э.И., Мошнягин Д.И. Нумизматика в школе. М.: Просвещение; 1968. 347 с.

REFERENCES

1. Boltanski L., Esker, A. Enrichment. Product criticism. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House, Faculty of Liberal Arts & Sciences, St. Petersburg State University; 2021. 600 p. (In Russ.).
2. Spafford F. Country of Plenty. Transl. from Eng. Moscow: Astrel: CORPUS; 2012. 512 p. (In Russ.).
3. Shippel M. Money circulation and its social significance. Transl. from German. St. Petersburg: Publication of the editorial board of the journal “Education”; 1897. 102 p. (In Russ.).
4. Lebina N.B. The Everyday Life of the Age of Space and Corn: The Destruction of the Big Style: Leningrad, the 1950s — 1960s. St. Petersburg: Kriga; 2021. 560 p. (In Russ.).
5. Kokovin E. Dinh-Dag. Two stories and short stories. Leningrad: Children’s literature; 1977. 176 p. (In Russ.).
6. Maramzin V.R. This is where we work. Leningrad: Children’s literature; 1966. 176 p. (In Russ.).
7. Tuzhilin N. The world around you. Simferopol: Crimea; 1966. 360 p. (In Russ.).
8. Kucherenko E.I., Moshnyagin D.I. Numismatics at school. Moscow: Prosveshcheniye; 1968. 347 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Алексеевич Трошин — кандидат философских наук, старший преподаватель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
aatroshin@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Troshin — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University, Moscow, Russia
aatroshin@fa.ru

Статья поступила 17.05.2021; принята к публикации 05.06.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 17.05.2021; accepted for publication on 05.06.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.